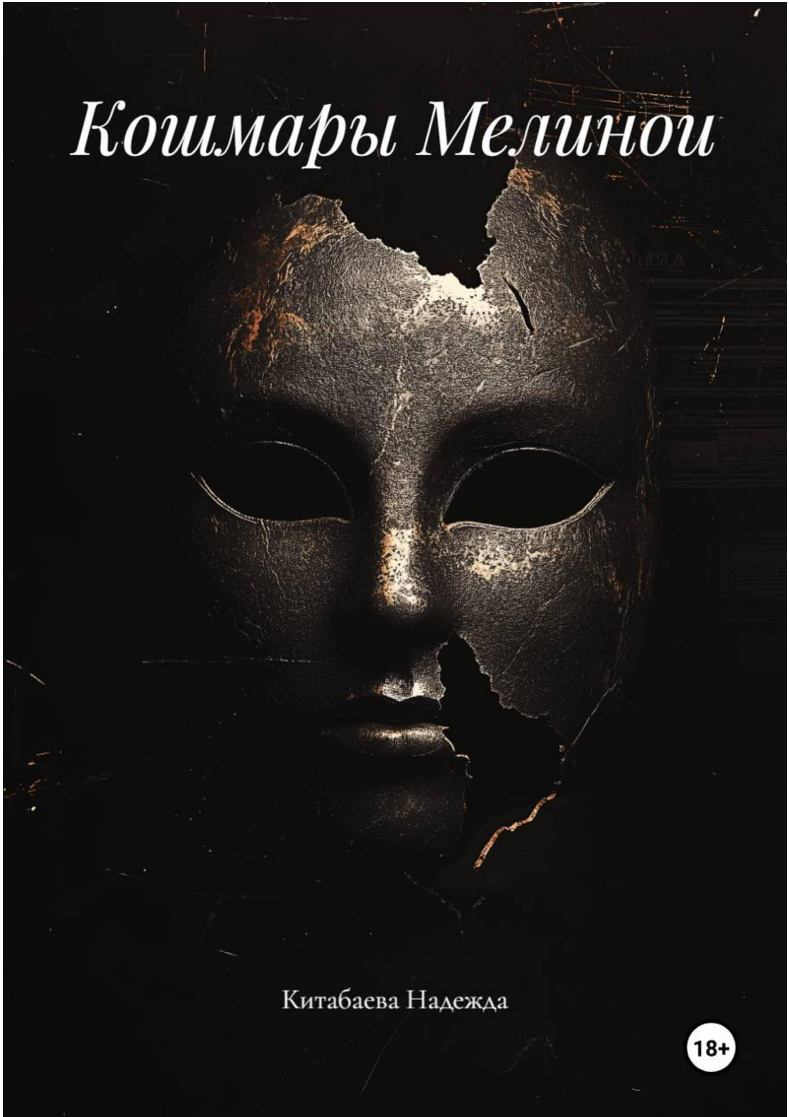
Кошмары Мелиной

Китабаева Надежда

18+

Китабаева Надежда
Кошмары Мелинои

https://litres.ru/74729412
SelfPub; 2026

Аннотация

В метро Метрограда находят хлопковую перчатку с ДНК писательницы Мелинои — женщины, чьи кошмары сбываются раньше, чем она успевает их записать. Следователь Каспиан ведёт дело «Метро-маньяка», оставляющего на местах преступлений странные символы и перчатки с вышитыми номерами. Каждый новый труп повторяет главы её неопубликованной рукописи — вплоть до деталей на месте убийства. Чем дальше продвигается расследование, тем яснее становится: преступления — это страницы единой книги, а Мелиноя — ключ к тексту, который пишет сам город. «Кошмары Мелинои» — психологический триллер о памяти, которую стирали пятнадцать лет, о сестре, которую нужно вернуть, и о системе, превращающей людей в соавторов собственных кошмаров. Здесь знак отличает того, кто читает, от того, кого читают.

Содержание

ЧАСТЬ 1. ТРИГГЕР 4
Глава 1. Перчатка в тумане 4
Глава 2. Голоса и чернила 8
Глава 3. Дело №2030-78 11
Глава 4. Следы на плёнке 15
Глава 5. Кровь на бумаге 18
Глава 6. Улики и тени 21
Глава 7. Ночь перед допросом 25
Глава 8. Утро Мелинои 28
Глава 9. Допрос Бена 31
Глава 10. Джоан и шум 35
Глава 11. Тоннели шестой 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Китабаева Надежда
Кошмары Мелинои

ЧАСТЬ 1. ТРИГГЕР

Глава 1. Перчатка в тумане

POV: Мелиноя

5:47. Станция «Теневая». Сырость въедается под кожу — пальто не спасает. Три дня назад голоса в голове стихли. Три дня тишины. Для меня это хуже любого крика — тишина всегда предвещает беду.

Эскалатор скрипит — каждый звук режет слух. Держусь за поручень, считаю ступени. Двадцать три. Столько же было на карусели в лунном парке, когда отец увёл меня прочь от девочки с волосами до плеч. Её крик слился с музыкой аттракциона — до сих пор слышу его в гуле поездов.

Платформа почти пуста. Лишь несколько фигур мелькают в тумане, стелющемся над рельсами. Он пахнет ржавчиной и сыростью. Прохожие спешат, не замечая друг друга. Как в моём блокноте: люди проходят сквозь страницы, оставляя лишь пятна от кофе.

Замираю.

На рельсах — перчатка. Левая. Хлопковая, тёмно-серая с чёрной отстрочкой. В сыром свете кажется чёрной. На мизинце — пятно.

Сердце бьётся о рёбра. В ушах — шум. Голоса спорят: «Подойди!» — «Убегай!» — «Она твоя!» — «Она чужая!». Но ноги движутся сами.

Пальцы касаются ткани. Холодная. Пропитанная влагой. Запах — резкий, металлический, кровавый.

Перед глазами — мужчина в чёрном пальто. Падает на рельсы. Свет фар режет мглу. Крик тонет в грохоте поезда. Лицо знакомое. Имя тает на языке — не удержать.

Голос внутри:

— Ты следующая.

Рука дёргается назад. Перчатка падает на рельсы с глухим шлепком. Там, где она лежала, — мокрое пятно. Не кровь. Конденсат с труб.

Кашель сзади. Оборачиваюсь. Пусто. Только колонны и эхо между ними.

В голове — обрывки: кольцо с гравировкой — полумесяц и точка. Строка из блокнота: «Ключ — в памяти того, кто видел начало».

— Мужчина в тумане. Его жесты — мои жесты. — Шесть, — шепчут голоса, переходя в вой. — Помни о шести.

Опираюсь на колонну. Мрамор под пальцами шероховатый. На поверхности — углубление: круг с крестом. Выцарапано. Глубоко.

Из тумана — женщина. Седые волосы, как паутина. Глаза тёмные, но в них — внутренний огонь.

— Ищешь потерянное? — спрашивает она тихо.

— Что вы имеете в виду? — мой голос дрожит.

Она улыбается беззубой улыбкой:

— Ключ в памяти. Помни о шести.

Женщина делает шаг назад — и исчезает за поворотом. Я бегу следом. Пусто. Только эхо и запах старой ткани с ладаном.

Добираюсь до квартиры к семи утра. Ключ дважды поворачивается в замке — привычка, выработанная годами одиночества. Внутри — тишина, которая давит на барабанные перепонки. Включаю свет. Он режет глаза. Гашу. Остаётся полумрак.

На столе — блокнот. Страницы чистые, но под углом 47 градусов проступают буквы: «Шестая откроет узел. Помни о шести».

В ящике — письмо без даты. Почерк незнакомый, но рука дрожит, когда я беру его. «Если ты это читаешь, значит, память начала возвращаться. Не доверяй отражениям. Ключ — в шестом». Подпись стёрта. Буквы будто сожжены кислотой.

День проходит в ожидании. Я не выхожу из квартиры. Сижу у окна, наблюдая, как город погружается в сумерки, а сумерки — в ночь. Каждый час приносит новую волну тревоги. Каждая минута — вопрос без ответа.

Часы на стене показывают 23:59. Секундная стрелка за-

стряла на последней отметке. Я знаю этот ритуал — в полночь она резко двинется вперёд. Сегодня я не буду ждать.

Спускаюсь в тоннели под «Центральной». Туда, где туман гуще воды, а голоса говорят правду — потому что там нет никого, кроме меня и моих призраков.

…а мир за моей спиной остаётся серо-стальным. Но впереди — красный. Красный, как кровь на перчатке. Красный, как правда, которую я так долго боялась увидеть.

Глава 2. Голоса и чернила

POV: Мелиноя

Рассвет. Я сижу за столом, дрожа от холода тоннелей. Волосы мокрые от сырости, пальцы ещё помнят холод перчатки. Голоса вернулись к девяти вечера — сначала шёпот, потом рёв, разрывающий череп изнутри.

— Пиши! — кричит один. — Сожги! — шипит другой. — Он придёт! — воет третий. — Он убьёт! — смеётся четвёртый.

Я закрываю уши. Не помогает. Голоса внутри. Они всегда внутри.

— Я не помню, как было, — шепчу я в пустоту. — Я видела только перчатку на рельсах.

— Лжёшь! — хором, но каждый своим голосом. — Ты видела его. Ты помнишь. Ты всегда помнила.

Закрываю глаза. В голове — обрывки: мужчина падает на рельсы. Свет фар режет темноту. Лицо — мужское, с жёсткими чертами. Имя тает на языке — не удержать.

Рука тянется к чернильнице. Пальцы дрожат, но движения точные — будто не мои. Как будто кто-то другой управляет моими костями.

— Пиши! — требуют голоса. — Сейчас!

Первая линия кривая. Круг. Внутри — крест. Такой же символ, как на колонне станции.

— Имя! — шепчет один голос. — Его имя!

— Какое имя? — спрашиваю я в пустоту.

Пальцы сами выводят буквы. Крупно. Чётко. К-А-С-П-И-А-Н. Я не решала писать это имя. Оно появилось само, как шрам на коже после пореза.

Отбрасываю перо. Сердце бьётся о рёбра. Это не моя воля. Это они. Они управляют моими руками.

— Он ключ, — шепчут голоса. — Он придёт. И он спросит.

Хватаю страницу. Рву на мелкие кусочки. Бросаю в раковину. Поджигаю спичкой. Пламя пожирает бумагу. Буквы чернеют, превращаясь в пепел.

Старый трюк — уничтожить доказательства. Голоса смеются. Они знают: информацию нельзя стереть огнём. Её можно только спрятать.

Новый голос — тише остальных, но холоднее льда:

— Он придёт завтра. Он увидит правду в твоих глазах. Не пытайся лгать.

Подхожу к зеркалу. Лицо — бледное, с тёмными кругами. Но в глазах — не усталость. Огонь. Тот самый, что пугает меня с детства.

Смотрю на пальцы. На них — следы влаги от перчатки. Пахнут металлом и чем-то сладким. Кровавым.

Шум поезда снизу нарастает. Метроград зовёт. Голоса смолкают. Остаётся только гул колёс о рельсы.

Каспиан. Имя всплывает из глубины — будто всегда там

и было. Как ключ, который я носила в кармане, не зная, к какой двери он подходит.

Или я сама вытащила его оттуда, не понимая, что открываю?

Глава 3. Дело №2030-78

POV: Каспиан

«Теневая». 6:17 утра. Дождь оставляет мокрые следы на моих ботинках и на прозрачном покрытии, которым накрыто тело.

Надеваю латексные перчатки. Только теперь подхожу ближе.

— Удушение, — констатирует эксперт Меган, осторожно отводя ворот пальто жертвы. — Три параллельных синяка на шее. Большие пальцы спереди, остальные — сзади. Сильный человек. Импульсивный.

— Возраст?

— 35–40 лет. Мужчина. Без документов. Одежда новая, но без бирок — куплена без документов или снята с другого.

Записываю в протокол:

Время обнаружения: 6:17. Место: платформа станции «Теневая». Состояние тела: на спине, руки вдоль тела. Особые приметы: слева на шее — татуировка «М», едва видная под гримом.

Меган поднимает перчатку пинцетом:

— Левая. Хлопковая, тёмно-серая с чёрной отстрочкой. Влажная. Пахнет рекой — тиной и ржавчиной. На шве мизинца — тёмное пятно. По цвету — возможно, кровь. Точный анализ через три дня.

— Чья кровь?

— Не жертвы. ДНК-маркер чужой. Лаборатория перегружена — результат не раньше, чем через неделю. Но я запросила экспресс-анализ.

Киваю в сторону колонны.

На бетоне — символ. Круг с крестом внутри. Нарисован красной аэрозольной краской — профессиональной, не из супермаркета. Частицы ткани в краске — наносили перчаткой.

Меган фотографирует под разными углами:

— Следы краски глубоко въелись в волокна. Человек знал, что делает.

Щёлкаю фото на телефон. Вспышка озаряет мрак станции.

Телефон вибрирует. Начальник:

— Пятое тело за два года с таким символом. СМИ уже звонят. Если не найдёшь систему до завтра — дело передадут «Альфе».

В отделе — доска с пятью фотографиями погибших. Пять символов. Пять перчаток. Провожу линии между точками на карте. Они образуют неровный круг. Центр — станция «Центральная».

Входит лейтенант Лилиан с планшетом:

— Женская ДНК с первой перчатки есть в базе. Проект «Призрак станции». Доступ ограничен. Архив 2015 года — закрытое расследование. Но начальство одобрило экс-

пресс-анализ.

— Почему ограничение? — спрашиваю я.

— Не знаю. Но спецзапрос уже отправлен. Результаты к вечеру.

Она уходит, оставляя меня с картой и пятью фотографиями мёртвых.

19:47. Телефон звонит. Лилиан.

— Экспресс-анализ подтверждён. Мелиноя Вейл. 25 лет. Писательница. В анамнезе — посттравматическое стрессовое расстройство после событий 2015 года. Госпитализации в 18 и 22 года. Последняя изданная книга — «Тоннели памяти». Описывает убийства в метро с пугающей точностью, но все события — вымышленные. По данным лечащего врача, последние полгода стабильна. Не представляет угрозы, но требует бережного подхода.

— Адрес?

— В телефоне. Врач просил: никакого давления. Она реагирует на стресс острыми приступами тревоги.

7:03 утра. Стою перед дверью квартиры Мелинои. В руке — удостоверение. В другой — прозрачный пакет с перчаткой. Ткань потемнела от влаги. На шве мизинца — тёмное пятно.

Стучу.

За дверью — тишина. Потом шорох. Скрип замка.

Голос:

— Кто там?

— Следователь Каспиан. Нужно задать несколько вопросов.

Дверь открывается. На пороге — женщина. Бледная. Тёмные круги под глазами. Взгляд настороженный, но не безумный. Усталость, выжженная годами.

Она смотрит на меня. Я — на неё. В её глазах что-то знакомое. Не могу понять что.

Достаю пакет с перчаткой. Держу на уровне глаз:

— Вы видели эту вещь раньше?

Её дыхание сбивается. Не отводит взгляда от пакета. Пальцы сжимаются в кулаки.

— Нет…, — голос дрожит. — …но вчера ночью мне снилась река. Мост «Центральной». Вода чёрная, как эта ткань. И запах... тины и ржавчины.

Я не шевелюсь. Глаза прищурены. Профессиональная реакция — не показывать удивления.

— Откуда вы знаете про мост? — спрашиваю тихо.

Она молчит. Смотрит на перчатку так, будто видит не предмет. А отражение чего-то, что я ещё не готов увидеть.

Глава 4. Следы на плёнке

POV: Каспиан

14:30. Лаборатория криминалистической экспертизы. Запах формалина и химикатов въедается в носоглотку. Два часа ожидания после допроса с Мелиноей — 47 минут молчания и взгляд в пол.

Эксперт Меган кладёт передо мной три новых пакета:

— Анализ краски, кадры камер, токсикология. Перчатку вы уже забрали — она в вашем пакете.

— Давайте по порядку.

— Краска на перчатке — профессиональная аэрозольная «Алкид-М». Используется в промышленной рекламе. Следы на внешней стороне ткани — перчатку прижимали к стене при нанесении символа. Так убийца не оставил отпечатков на бетоне.

— Совпадение с символом на стене?

— Рисунок практически идентичен. Вероятность случайного совпадения — меньше трёх процентов.

Записываю в блокнот:

Краска: «Алкид-М». Совпадение: полное. Метод: перчатка использовалась как трафарет.

Меган включает монитор:

— Кадры станции «Теневая». Время — 5:45, за полчаса до убийства. Качество низкое, но мы усилили контраст.

На экране — фигура в чёрном пальто у турникетов. Лицо скрыто капюшоном. Движения размеренные.

— Увеличьте отражение в стекле.

Меган приближает фрагмент. В отражении — второй силуэт. Женский. Длинные тёмные волосы.

— Это Мелиноя?

— Походка похожа. Но для точного сравнения нужны её архивные фото. Запросила у Лилиан — ответ через час.

Третий пакет:

— Токсикология. В крови жертвы — бензодиазепин. Доза 0,8 мг — достаточно, чтобы ослабить сопротивление, но не вызвать потерю сознания. Препарат из больничных запасов, требует рецепта.

— Значит, убийца имеет доступ к медикаментам?

— Или связи в медицинских учреждениях. Это требует проверки ваших источников.

Телефон вибрирует. Начальник:

— СМИ уже называют его «Метро-маньяком». Давление растёт. Нужны результаты к утру.

Сжимаю телефон. Пять убийств за два года. Пять символов. Пять перчаток.

— Меган, запросите все нераскрытые дела в метро за последние два года. Фильтр: удушение после оглушения бензодиазепином, профессиональная аэрозольная краска. Сравните с ДНК из базы «Призрак станции».

Она кивает. Вводит запрос в систему.

Возвращаюсь к кадрам. Снова смотрю на отражение в стекле. Женский силуэт.

Если это Мелиноя — почему она там в 5:45, за полчаса до убийства? Почему не сообщила?

Если не она — кто с такой точностью подставляет именно её?

И где в этом вся система, которую требует найти начальство?

Глава 5. Кровь на бумаге

POV: Мелиноя

Ночь после ухода следователя. Дождь отсчитывает секунды — кап-кап-кап. В квартире тишина, которая давит на барабанные перепонки. Я прижимаю ладони к ушам. Не помогает. Тишина не снаружи. Она внутри. Голоса ушли — и оставили пустоту, похожую на эхо в заброшенном тоннеле.

Квартира — отражение моего сознания. Стены голые, кроме одного пятна над кроватью — там висела фотография из лунного парка. Я сорвала её три года назад. Но след остался. Как шрам. Как память, которую не стереть.

Блокнот лежит на столе. Обложка потёртая — я тереблю её каждый вечер, как ребёнок теребит край одеяла. Страницы белые. Но под ними — ответы. Те, которых я боюсь.

В углу комнаты — шкаф. Заперт на два замка. Там лежат вещи из лунного парка: билет с датой 15 октября 2015 года, обрывок ленты с карусели, фотография, которую я не решалась смотреть пятнадцать лет. Сегодня ночью я открою его. Или нет. Голоса решат за меня.

Голоса возвращаются в полночь. Не шёпотом. Рёвом.

— Пиши! — кричит голос, похожий на отца. — Скройся! — шипит голос ребёнка — моего десятилетнего «я». — Он знает про мост! — воет третий. — Он убьёт тебя, как убил её! — смеётся четвёртый — женский, незнакомый.

Руки тянутся к лезвию на столе. Я сопротивляюсь, сжимая кулаки до побеления. Но пальцы дрожат — тянутся снова. Ногти впиваются в ладони. Кровь сочится. Не от лезвия. От собственного страха. Капля падает на страницу. Красная. Как огни карусели в тот вечер.

Срываю лист из блокнота. Пишу крупно: ОН ЗНАЕТ. Обычной ручкой. Чёрными чернилами. Рядом — капля моей крови с ладони. Не жертва. Не ритуал. Первая победа за три года.

В голове вспыхивает: карусель. Красные огни. Музыка, искажённая, будто проигрываемая задом наперёд. Сабрина держит меня за руку. Её ладонь — тёплая. Потом холод. Отец подходит. Его запах — табак и ладан. Он говорит что-то. Я не слышу слов. Только интонацию — ту самую, что я слышала сегодня в голосе Каспиана, когда он спросил про мост.

— Девочки, — говорит отец. — Одна останется. Другая уйдёт.

Сабрина плачет. Я кричу. Но крик тонет в музыке карусели. Потом — укол в шею. Холод. Тьма.

Просыпаюсь в больнице. Врачи говорят: «Галлюцинации. Шизофрения». Но я знаю правду. Это была память. Стирание памяти.

Кладу лист в тайник за обоями. Рядом — старые фотографии. На одной — я в десятилетнем возрасте в лунном парке. Рядом со мной — мужчина. Его наклон головы — точная

копия Каспиана. Даже запах, который я уловила сегодня в его пальто, — табак и что-то сладкое, как ладан, — тот же самый.

Голоса затихают. Один остаётся — тихий, как шелест страниц:

— Он увидит правду. Если дойдёт до шестой двери.

Красное пятно на стене — отсвет неона за окном. Оно пульсирует в такт поездам: вспышка — тишина — вспышка. Как сердце города, который ждёт.

Метроград ждёт своего читателя.

А я жду шестую дверь.

Глава 6. Улики и тени

POV: Каспиан

Лаборатория. 16:42. Первые результаты анализа ДНК лежат на столе. Кровь на ткани — не её: неизвестный профиль из базы «Призрак станции». Но на внутренней стороне мизинца — её ДНК. Перчатка, частицы краски — всё указывает на неё. Но не доказывает.

Открываю блокнот на чистой странице. Карандаш скрипит по бумаге:

Подозреваемые:

Мелиноя Вейл (25 лет. ДНК на перчатках. ПТСР после событий 2015 года. Писательница).

Бен Томас (42 года. Редактор Мелинои. Конфликт из-за непубликации рукописи).

Джоан Смит (34 года. Соседка Мелинои. Жалобы на шум по ночам).

Звонок. Эксперт-криминалист Вальтер:

— Перчатка — хлопок премиум-класса. Но на швах — следы серной кислоты. Кто-то пытался стереть ДНК. Работа профессиональная: кислота разведена в пропорции 1:3, что даёт максимальную эффективность без разрушения ткани. Но источник — не промышленный. Скорее всего, лаборатория учебного заведения или частная мастерская. Полный отчёт через пять дней. Для вас — через трое.

— Спасибо, Вальтер.

Проверяю алиби Мелинои на два последних убийства. Первое — месяц назад. Второе — две недели назад.

Первое убийство: Мелиноя в клинике на плановом осмотре. Подпись врача, время приёма — 14:00–15:30. Убийство совершено в 14:17. Но в протоколе примечание: «В 14:30 пациентка вышла к автомату с водой. Отсутствие — 4 минуты».

Второе убийство: дома под наблюдением соцработника. Подтверждено. Но камеры подъезда зафиксировали: в 3:12 ночи — тень у входа. Не Мелиноя. Слишком высокая. Мужская походка.

Это не алиби. Это ловушка. Кто-то специально создаёт ситуацию, где она могла бы быть виновна — но не была.

Архив за два года. Пять убийств. Все в метро. Все с символами на стенах. Все с перчатками. Но кровь на перчатках — одна и та же. Не жертв. Не Мелинои. Неизвестный ДНК-маркер, совпадающий с базой «Призрак станции».

Камеры «Теневой» за день до убийства — чисто. Никого похожего на Мелиною. Но в ночь преступления — помехи. Система дала сбой ровно в 5:43–5:47. Как будто кто-то знал, когда нужно скрыть следы.

23:17. Телефон вибрирует. Лилиан — второй звонок за вечер.

— СМИ уже пишут о «Метро-маньяке». Начальник требует ареста к утру. Что скажешь о Мелиное?

— Она не убийца.

— ДНК говорит обратное.

— ДНК говорит, что её перчатка была на месте преступления. Не то, что она её туда положила.

Тишина в трубке. Потом:

— Завтра проверишь её алиби на остальные убийства?

— Сначала допрошу редактора и соседку. Потом — тоннели под «Центральной». По карте — эпицентр системы.

Кладу трубку. Щёлкаю зажигалкой. Пламя вспыхивает — ровное, без дрожи. Движения точные. Отточенные годами. Как у отца.

В отражении окна вижу его лицо. Не моё. Его. Те же жесты. Та же манера держать голову набок при размышлении. Тот же способ гасить пламя — не захлопывая крышку, а прикрывая ладонью.

Отец тоже искал систему. Пятнадцать лет назад. Перед тем как исчезнуть в тоннелях под «Центральной». Его последняя записка: «Система требует шести. Я — пятый. Шестой придёт после меня».

Я — шестой?

Или Мелиноя?

Система: пять перчаток ведут к шестой. Но шестая — не убийство. Шестая — выбор. Верить ей или нет.

Гашу свет. В темноте остаются только цифры на экране телефона: 23:59.

Утром — новая смерть. Или правда. Или я стану тем, кого

ищу.

Глава 7. Ночь перед допросом

POV: Каспиан

Квартира над станцией «Центральная». 2:17 ночи. Метроград гудит снизу — поезда стучат, как пальцы по стеклу. Сон не идёт. Глаза сухие, в висках пульсирует тупая боль. Третья ночь без сна за неделю.

Открываю блокнот. Страницы исписаны пометками о Мелиное. Её слова про запах реки не дают покоя. Перчатка действительно пахла тиной и ржавчиной — как вода под мостом «Центральной». Но это не было в официальном отчёте. Только устное замечание лаборанта в коридоре. Она не могла знать.

Как?

Вальтер прав: перчатка обработана кислотой. Профессионально — пропорция 1:3 для максимальной эффективности. Но с ошибкой: кислота домашнего приготовления, а не промышленная. Это не серийный убийца. Это кто-то с планом. Система. И система всегда оставляет след для того, кто умеет смотреть.

Достаю телефон. Запрос в архив: все дела по пропавшим без вести в районе станции «Центральная» за последние пятнадцать лет. Особое внимание — 15 октября 2015 года.

Сердце сжимается.

Мне было пятнадцать. Сестре — двенадцать. Лунный

парк. Карусель с красными огнями. Её крик, сливающийся с музыкой аттракциона. Отец подошёл к нам. Его рука на моём плече — тяжёлая, как камень. «Останься здесь, Каспиан. Я верну её». Он увёл её за угол. Я ждал. Ждал час. Два. Три.

Нашёл только куртку у моста «Центральной». На кармане — пятно, похожее на кровь. Запах реки и чего-то сладкого. Ладана.

Отец вернулся один. Его глаза — пустые. «Она ушла, сынок. Больше не вернётся».

На следующий день он ушёл в тоннели под «Центральной». Не вернулся.

Его последняя фраза, вырезанная на столе в моей комнате: «Система требует шести. Пять уже мертвы. Шестой — ты».

Щёлкаю зажигалкой. Пламя вспыхивает — ровное, без дрожи. Гашу ладонью. Снова щёлкаю. И снова. Ритуал, выработанный за пятнадцать лет одиночества. Тот же ритуал, что у отца. Я это вижу в отражении окна — его жесты в моих руках.

Почему Мелиноя узнала запах реки? Случайное совпадение? Или она видела то же самое, что видел я пятнадцать лет назад?

Телефон вибрирует. Начальник:

— Новости о «Метро-маньяке» на первых полосах. Давление растёт. Что по Мелиное?

— Завтра проверю её алиби на остальные убийства. Есть

зацепки.

— Зацепки — не доказательства. Приведи доказательства или арестуй её к утру.

Кладу трубку. Встаю к окну. Неон Метрограда мигает красным — точно так же мигали огни карусели в тот вечер. Точно так же пахло железом и дождём.

Система требует результатов. Но впервые за пятнадцать лет я боюсь не провала расследования.

Я боюсь услышать имя сестры из уст Мелинои. Или увидеть в её глазах тот же взгляд, что был у отца перед исчезновением — взгляд человека, который знает правду и понимает: правда убивает быстрее любого ножа.

Утром я пойму: Мелиноя — ключ к системе.

Или система уже сделала её своим шестым ключом.

Глава 8. Утро Мелинои

POV: Мелиноя

Утро врывается серым светом через щели в шторах. Не солнце — туман за окном, отражающий неон Метрограда. 7:14. Тело ноет от бессонной ночи: спина скрючена, шея напряжена, в висках пульсирует тупая боль. Голоса не спят. Они ждут. Точнее — ждут его.

Блокнот на столе. Страница с надписью «ОН ЗНАЕТ» высохла в коричневые кляксы. Чернила расплылись, образуя узор: круг с крестом внутри. Тот самый символ со станции. Я не рисовала его. Он появился сам — как шрам на коже после царапины.

Руки дрожат, когда я проверяю тайник за обоями. Лист на месте. Фотографии детства — тоже. На одной — отец в лунном парке. Карусель в красных огнях. Мне десять лет. Он держит меня за плечо — пальцы впиваются в кость. Его голова наклонена влево на семь градусов. Точно так же наклонял голову Каспиан, когда смотрел на перчатку в пакете.

Каспиан.

Имя всплывает из глубины — не как воспоминание, а как предупреждение. Перо вывело его без моего ведома. Голоса подтвердили: «Он увидит правду в твоих глазах. И правда убьёт вас обоих».

Зеркало. Лицо бледное, под глазами — тёмные полукру-

ги. Щека чистая. Следа от перчатки нет. Или я просто не вижу его? Голоса смеются: «Улики не прячутся. Их прячут те, кто боится правды».

Сумка на стуле. В кармане — перчатка. Не та, что на станции. Похожая. Тёмно-серая хлопковая. Купила вчера в хозяйственном магазине — не помню почему. Просто вошла и купила. Инстинкт? Или они заставили меня купить её, зная, что придёт он?

Запах металла и чего-то химического — не от перчатки. От моих рук. Я грызла ногти ночью. Кровь под ногтями смешалась с потом. Запах страха.

Сую перчатку глубже в карман. Не сжигаю. Сжигание — признание. А я ещё не готова признать, что они управляют даже моими покупками.

Стук в дверь. Резкий. Три удара — не больше, не меньше. Официальный ритм. Сердце замирает. Дыхание перехватывает. В ушах — звон.

— Полиция. Откройте.

Я не двигаюсь. Голоса спорят: — Открой! — Запри замок! — Он знает про мост! — Он убьёт тебя, как убил её!

Рука сама тянется к дверной ручке. Поворачивает. Дверь открывается.

Каспиан стоит на пороге. Блокнот в левой руке. Правая — в кармане пиджака, где лежит зажигалка. Его глаза — не агрессивные. Не подозрительные. Усталые. Такие же, как мои в зеркале пять минут назад. Под левым глазом — тень

от недосыпа. Точно, как у меня.

Он наклоняет голову влево на семь градусов.

Мой отец делал так же.

— Мелиноя? — его голос низкий, без металла. — У нас вопросы. Перчатка с вашей ДНК. Имя Каспиан в вашем блокноте.

Я улыбаюсь. Не губами. Глазами. Расширение зрачков. Прилив крови к лицу — я чувствую его жар на щеках. Это не туман. Это адреналин. Страх, который я маскирую улыбкой.

— Сны не сбываются, следователь. Они — воспоминания, которые мозг прячет под видом фантазий. Вы это знаете. Или ещё нет?

Он не улыбается в ответ. Просто кивает, делая пометку в блокноте. Но в его глазах — не профессиональное равнодушие. Что-то другое. Что-то, что я видела только на фотографии отца пятнадцатилетней давности.

Он узнал меня.

Или я узнала его?

Глава 9. Допрос Бена

POV: Каспиан

Она молчит тридцать секунд после моих вопросов. Потом кивает — коротко, без эмоций. Мы спускаемся вниз. Дождь усилился — капли бьют по асфальту, как пальцы по барабану.

— Поедете со мной к Бену? — спрашиваю в машине. — Добровольно. Без протокола. Просто как наблюдатель. Решать вам.

Она садится на пассажирское сиденье. Не отвечает. Смотрит в окно. Дождь стекает по стеклу, искажая огни Метрограда. Её отражение в стекле — призрак. Бледное лицо, тёмные круги под глазами, пальцы, сжатые в кулаки на коленях.

— Голоса? ПТСР? Или просто осторожность? — спрашиваю я, заводя двигатель.

Она поворачивает голову. В её глазах — не страх. Расчёт.

— Они молчат, когда я рядом с вами. Это ответ?

Не отвечаю. Включаю дворники. Ритм: тик-так-тик-так. Как сердце города.

Адрес Бена — центр города, офис над кофейней «Тень». Здание 1970-х годов, кирпич чёрный от копоти и дождя. На двери подъезда — пять замков. Бен живёт на шестом этаже. Без лифта.

Открывает дверь. 42 года. Лысеющая макушка, но густые

брови — будто компенсация. На запястье левой руки — тонкий шрам от чернильной ручки: писал от руки до сорока, потом перешёл на клавиатуру. Взгляд уставший, но не пустой. В нём — уважение к словам.

За спиной — квартира-офис. Стены увешаны картами города. Между станциями метро — красные нити. Его личный архив. На столе — стопка рукописей. На верхней — имя Мелинои Вейл.

— Полиция? — спрашивает он, не глядя на меня. Смотрит на Мелиною за моей спиной. — Из-за неё?

— Допрос. По делу об убийстве на «Теневой».

— Я отложил публикацию её романа три месяца назад, — говорит он, закрывая дверь. — Не из-за денег. Из-за строк в главе 17. Она описала смерть мужчины за три дня до того, как это произошло. Те же детали: три синяка на шее, татуировка «М» под гримом, перчатка на рельсах. Я подумал — совпадение. Теперь не думаю.

Записываю в блокнот:

Бен Томас: не враг Мелинои. Защитник. Отложил публикацию, чтобы защитить её от внимания. Мелиноя: не «бред». Пророческая точность описаний. Или доступ к информации?

— Вы читали всю рукопись?

— Каждую строку. Дважды. В главе 23 — описание моей смерти. «Бен умрёт в кофе. Три кубика сахара. Цианид вместо молока». Я выбросил эту главу. Сказал ей — редактор-

ская правка. На самом деле — страх.

Мелиноя замирает. Дыхание учащается — 24 вдоха в минуту. Пальцы сжимаются в кулаки, ногти впиваются в ладони. Но лицо — маска. Она ушла внутрь себя. Диссоциация.

— Алиби на 6:17 утра? — спрашиваю я Бена.

— Спал. Жена подтвердит. Камеры подъезда тоже. Каждое утро в это время — кофе, новости, сигарета на балконе. Ритуал. Десять лет без изменений.

— Почему она звонила о «шестой перчатке»?

Бен снимает очки. Протирает линзы уголком халата — жест человека, который ценит ясность.

— Две недели назад. В 3:14 ночи. Кричала: «Шестая перчатка — не убийство. Шестая — ключ». Я спросил: «Ключ от чего?». Она ответила: «От шестой двери. Той, за которой ты прячешься». Я положил трубку. Утром позвонил её врачу.

Выходим на лестницу. Мелиноя молчит. Только когда мы спускаемся на третий этаж, она шепчет:

— Он не врёт. Но он не всё знает. Голоса... они сказали, что он следующий. Не опасен. Обречён.

Останавливаюсь на ступеньке. Смотрю на неё.

— Откуда ты знаешь?

Она не отвечает. Смотрит вниз — на дверь квартиры Бена. За ней — карта с красными нитями. И шестая нить, ведущая к станции «Центральная».

Система: Бен слышал о «шестой». Знает рукопись. Но не враг. Жертва. Отмеченная заранее.

Кто же следующий после него?

И почему система предупреждает Мелиною — а не убивает её?

Глава 10. Джоан и шум

POV: Каспиан

Машина молчит между нами. Дождь стучит по крыше — ритм 6:17, тот самый, что отсчитывает смерть. Мелиноя смотрит в окно. Её отражение — призрак среди неоновых огней.

— Почему Бен не врал? — спрашиваю я.

Она поворачивает голову. В её глазах — не ответ. Вопрос.

— Потому что он уже мёртв. Просто ещё не знает этого.

Не спорю. Включаю навигатор. Станция «Теневая». Подвал под зданием 1963 года постройки. Джоан Кинг. 34 года. Вторая скрипка городского оркестра. Соседка Мелинои последние три года.

Подвал пахнет сыростью и скипидаром. Свет проникает через окна на уровне тротуара — грязные стёкла искажают мир снаружи. В углу — скрипка в футляре цвета воронова крыла. На стене — фотографии с концертов: Джоан за пультом, её пальцы на грифе, взгляд устремлён в зал.

Дверь открывается до того, как я успеваю постучать. Джоан в наушниках, но без раздражения. 34 года. Волосы собраны в тугой пучок — несколько прядей выбились, прилипли ко лбу от пота. На запястье левой руки — татуировка: три фазы луны. Новолуние, полнолуние, старый месяц. Точечная работа — игла тоньше волоса. Работа заключённого из

тюрьмы «Циферблат», где она давала уроки музыки пять лет назад.

— Шум? — улыбается она, выключая музыку. — Мелиноя стучит по стене кодом три-два-три. Я отвечаю тем же. Иногда просто чтобы знать: я не одна в этой тишине.

Записываю в блокнот:

Джоан Кинг: не враг. Свидетель. Слышала крик в 6:17. Код «Ты следующая». Татуировка луны — три фазы. Совпадает с символом на стене у шестой перчатки.

— 6:17 утра. Где были?

— Спала. Слышала поезд. И потом — крик. Женский. Короткий. «Ты следующая». Потом тишина. Я засекала — крик длился 1,7 секунды. Точно, как в нотах: короткая нота, обрыв.

— Почему не позвонили?

— В 6:17 утра я играю гаммы. Каждый день. Десять лет без пропусков. Крик вошёл в гамму — соль-диез. Я подумала: соседка опять. Но потом вспомнила — у Мелинои другой крик. Её крик — с хрипотцой. Этот был чистым.

Мелиноя напрягается рядом. Не от страха. От узнавания.

— Камеры подъезда проверю, — говорю я. — Ваше алиби должно быть подтверждено.

— Алиби? — Джоан смеётся тихо, без радости. — Я всегда дома. Музыканты не имеют алиби. Только репетиции и сны.

Выходим на улицу. Дождь усилился. Мелиноя молчит до

самого угла.

— Она не лжёт, — шепчет она наконец. — Но она не всё слышала. Крик был не мой.

— Откуда знаешь?

— Я узнаю свой крик. Он срывается с горла — хриплый, с комком. Тот крик был чистым. Женским. Но не моим.

Останавливается. Смотрит на меня. В её глазах — не страх. Понимание.

— Это был крик Сабрины. Моей сестры. Той, которую увёл отец.

Сердце замирает. Сабрина. Имя, которое я не произносил пятнадцать лет.

— Ты не говорила, что у тебя есть сестра.

— Потому что я не знала. До сегодняшнего утра. Голоса молчали. А потом — этот крик в словах Джоан. И я вспомнила.

Метроград давит неоном и дождём. Джоан знает больше, чем говорит. Или она — часть системы? Татуировка луны с точкой внутри — тот же символ, что на стене у шестой перчатки.

Система: Бен уважает Мелиною. Джоан слышит её крики. Обе — не враги. Обе — потенциальные жертвы.

Кто шестой?

Тоннели под «Центральной» ждут.

И в них — ответ на вопрос, который я боюсь задать:

Сабрина жива?

Или система уже убила её дважды — в реальности и в памяти Мелинои?

Глава 11. Тоннели шестой

POV: Каспиан

Тоннели под станцией «Центральная». Воздух густой — смесь плесени, ржавчины и чего-то сладкого, как гниющие цветы. Фонарь в руке рассекает тьму: стены покрыты слизью, рельсы заржавели до коричневого, граффити выцвели до призрачных силуэтов.

Вызвал подкрепление на «Центральную». Они будут через 12 минут. У нас есть окно — проверить тоннели до их прибытия.

Мелиноя идёт рядом. Молча. Её дыхание учащённое — 22 вдоха в минуту. Не от страха. От узнавания. Она уже была здесь. Или её память была.

— Почему пошли именно сюда? — спрашиваю я, сверяясь с картой из квартиры Бена.

— Карта показывала красную нить, — отвечает она, не глядя на меня. — Шестая нить. Та, что вела к станции, где исчез ваш отец. И моя сестра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.